

Алла Геленидзе

**СБОРНИК
РАССКАЗОВ
И СТИХОВ**

Алла Геленидзе

Сборник рассказов и стихов

«Издательские решения»

Геленидзе А. В.

Сборник рассказов и стихов / А. В. Геленидзе — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934489-2

Книга никого не оставит равнодушным — ведь невозможно не сопереживать погибшему мальчику или оскорбленной девушке. Особенно хороша новелла «Где-то там, где нас ждут». Еще долго после прочтения невозможно не думать о том, что все в этом мире тленно — все кроме любви. А любовь побеждает всегда, даже тогда, когда погибает. Рассказы написаны современным литературным языком. В разделе «Стихи» представлены не только произведения автора, но и его переводы классической и современной грузинской поэзии.

ISBN 978-5-44-934489-2

© Геленидзе А. В.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Меня зовут Яша	6
Зеркало	9
Сила слова	11
Соседи	11
Дружба	12
Размолвка	12
Рассказ	15
Решение мамы	17
Где-то там, где нас ждут	18
Лучше быть здоровым и счастливым	22
Часть первая	22
Встреча со Смертью	22
Часть вторая	25
Встреча с Жизнью	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сборник рассказов и стихов

Алла Владимировна Геленидзе

Иллюстратор Манана Курсуа

© Алла Владимировна Геленидзе, 2018

© Манана Курсуа, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-4489-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Меня зовут Яша

Меня зовут Яша. Вернее, я сам себя так называю. Просто, что-то случилось, ничего такого, но я почему-то испугался и забыл своё имя, а когда опомнился, то решил, что меня зовут Яша.

Когда все смеются, я думаю, что это не мое настоящее имя, и говорю им – ну скажите, как меня зовут? А они все смеются и отвечают – какая разница, если тебе нравится Яша, то пусть будет Яша.

Ну ладно...

Чтобы вы знали, мне уже тринадцать лет. И все эти годы я прожил в детдоме. Да, так случилось, что я вырос без родителей. Когда я бы маленьким, то плакал и спрашивал у всех воспитателей – где моя мама? Но потом я вырос и перестал это делать, и даже смеялся над малышами, которые все время ныли. Нет, конечно, в душе я все время думал о родителях, особенно о маме, представлял, как она придет в детдом и скажет, что долго искала меня, и как я сразу прошу её. Но мне не хотелось, чтобы сильные друзья, которые никогда не распускают нюни, узнали, что я, как пацан, по ночам плачу за мамой.

*

Недавно, я точно не помню когда, воспитатели нам сказали, что весь детдом едет в город, смотреть премьеру мультлика. Все очень обрадовались и стали собираться.

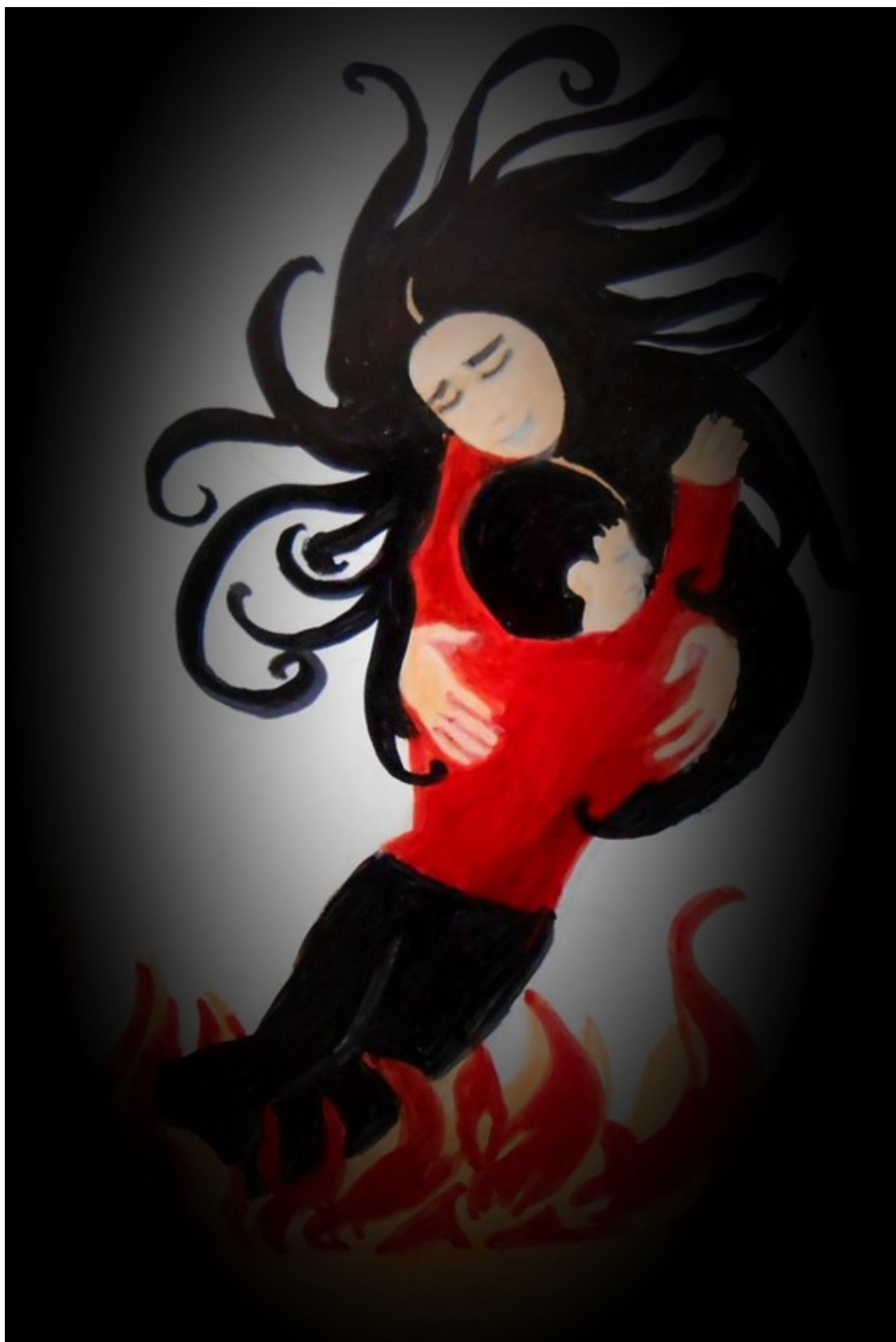
Когда мы пришли туда, где был кинотеатр, я так развеселился, что даже стал плохо себя вести – бегал по залам, дергал знакомых и незнакомых девчонок за волосы. За это взрослые меня ругали, но я так сильно радовался, что мне было все равно.

Потом прозвенел звонок, и мы пошли в кинозал.

*

Вообще-то, я не собирался смотреть какой-то мультик. Что я маленький, что ли? Собирался продолжать развлекаться, ну там, похихикать, потолкать кого-нибудь... но сам не знаю как, засмотрелся на экран.

Я сильно увлекся мультфильмом, поэтому сразу не понял, что что-то произошло. Когда до меня дошло, что наш кинотеатр горит, я очень испугался. На одну минуту услышал, как все вокруг кричали, некоторые звонили по мобильным телефонам. Недалеко от меня, один незнакомый мальчик, кричал в мобильный: «Мама! Мама, спаси меня!»

И я вдруг догадался, что только мама может спасти. Я сразу понял, что она не приходила потому, что знала, что я живу хорошо, а сейчас, если только она узнает, что мне страшно, то сразу придет и спасет меня. И потому, я стал её звать – мааааа, мааааа – по-моему, я кричал громче всех. Я кричал и боялся что пропадет голос, и она не успеет меня найти...

Но она нашла! Я сразу ее узнал, когда она появилась в зале. Мама то же меня сразу узнала. Я хотел ее обнять и поцеловать, но уже не было времени – она схватила меня за руку и мы улетели.

Зеркало

*Ребенок – отражение родителей.
Песталоцци И. Г. 1746—1827гг.*

Я коренной тбилисец. Родился в середине прошлого века. Мои родители были простыми людьми но, как это всегда бывает, жизнь имели непростую.

Правда, несмотря на то, что отец работал в метро рабочим, а мама не работала нигде, квартира у нас все же была – получили от государства.

В те времена большой популярностью пользовалась уличная романтика, и все мои друзья покуривали травку, мечтая быть ворами в законе. Однако меня ни одно, ни другое не интересовало, потому, что я хотел быть футболистом и играть в «Динамо» Тбилиси. Ради своей мечты пришлось, приложив немалые усилия, уговорить родителей перевести меня в спортивную школу.

*

Несмотря на то, что за обучение в спортивной школе плата не полагалась, какие-то расходы мать с отцом все же несли. То есть им приходилось покупать форму и, вообще, тратиться на одежду, особенно на обувь, а когда команда ехала на соревнования, давать небольшие деньги на расходы.

Как я припоминаю, родители моих друзей по футболу безумно радовались, что их чада время проводят не на «бирже», а занимаясь физкультурой, и поэтому не жалели денег на увлечение детей. К сожалению, мои «предки» так не считали. Деньги, потраченные на форму, они называли «выброшенными», а меня принимали чуть ли не за блаженного. Более того, у отца появилось новое развлечение – подшучивать и насмехаться над моими фантазиями стать великим спортсменом.

Помню, однажды, в школу, на тренировку, пришел человек и выбрал трех парней, в том числе и меня, в юношескую сборную Грузии. Радостный, не видя под собой дороги, неся я в тот день домой. Дома мой пыл остудили, посмеялись и объяснили, что из меня не получится никакого спортсмена, а потому, лучше мне прекратить заниматься ерундой, спокойно окончить школу и пойти в армию.

Поплакав в подушку так, чтоб ни кто не слышал, я решил завязать с футболом.

Потом была армия, а потом учеба в техническом институте. Работать по специальности у меня никогда не было желания, из-за этого, наверное, нигде долго не задерживался. Так и живу, перебиваясь случайными заработками, благо квартира есть.

*

Да, кстати, я женат. Супруга, учительница музыки по классу скрипки, до недавнего времени преподавала в школе музыку.

А тут, лет пять назад, заявила, что жить на наши нищенские зарплаты невозможно и уехала «за длинным рублём» в Европу. Что там делает, понятно всем – таскает горшки за стариками. Ну, деньги, конечно, получает. Самое смешное в этом то, что скрипку свою забрала с собой. И что интересно, играть видно она на ней не успевает, так стала музыку писать – я два часа смеялся, когда узнал.

Сегодня говорю ей по скайпу:

– Какой из тебя композитор, женщина?! Не позорься!

А она все свое талдычит:

– Умоляю, помоги выпустить сборник этюдов для скрипки! Побегай, узнай, где напечатать, как распространить – я все оплачу.

В общем, у всех жены, как жены, а моя – фантазерка. Вот блаженная! Ну, кому нужна ее музыка?

Сила слова

Сама я родом из маленького городка. Выросла в бедности; мама говорила – потому, что нас бросил отец. Сначала я этому верила но, когда немного подросла, то стала замечать, что у многих моих друзей то же не было отцов, однако жили они хоть и не богато, но значительно лучше меня; так как их матери, забыв о своих дипломах и претензиях, «вкалывали», как могли – а именно: торговали на рынках, работали нянями, мыли посуду и т. д.

Моя мама на такие жертвы, ради моего благосостояния, идти не хотела. Она объясняла свою позицию так: «Дорогая, ради тебя я, не задумываясь, отдам жизнь, но жить только для тебя не могу. Я люблю свою работу и никогда ее не брошу. Как-нибудь продержимся, ведь у меня есть зарплата». Если кто-то подумал, что моя мама занималась наукой или вела секретные изыскания, которые, при любой ситуации в стране, хорошо оплачиваются, то он ошибается – «маман» была библиотекарем.

Конечно, я понимаю, что и библиотекарь может любить свою работу, но ведь не до такой же степени, чтобы не мочь ее оставить, даже если ребенку нечего есть?! Как говорил герой одного известного фильма – «меня терзали смутные сомнения», что мама, просто, не хотела выходить из зоны комфорта и тяжело работать. Ведь легче целый день сидеть в хоть и не топленной, но комнате, читать любимые книжки, получая за это гроши, чем, например, драить квартиры богачей.

В общем, обида, конечно, была, но я ее скрывала. Правда, постоянное нахождение в библиотеке привило мне любовь к печатному слову и определило дальнейшую судьбу – я поступило в престижный ВУЗ, на бюджетное отделение факультета журналистики, которое и закончила с успехом.

Уже на последнем курсе института меня пригласили работать помощником редактора малорейтинговой передачи на один из второстепенных телеканалов Грузии. Я, конечно, с радостью согласилась. Оставалось придумать, как, на грошовую зарплату начинающего помощника редактора, умудриться снять жилье в Тбилиси так, чтобы остались хоть какие-то копейки на питание. Невероятно, но и этот вопрос утрясся – в одном из старых районов города, в «итальянском дворе», за смехотворную даже для меня плату, я нашла обшарпанную комнату, площадью в двенадцать квадратных метров, с удобствами в сарае.

Мечты начинали сбываться.

Соседи

Первые месяцы после окончания института были заполнены только работой и общением с коллегами, но когда жизнь понемногу устаканилась, я стала обращать внимание на жителей моего двора. Особенно меня интересовала одна соседка – женщина шестидесяти пяти – семидесяти лет – кто-то мне поведал, что она художница. К соседке приходила, и иногда оставалась ночевать, дочь – красивая женщина средних лет – пианистка. А несколько раз я видела даже внучку – шикарную русоволосую девушку, говорили, что она начинающая оперная певица.

Коротая одинокие вечера в своей неудобной комнате, и поглядывая на светящееся в двух шагах окно, я часто думала о том, как, наверное, хорошо этим женщинам вместе – все трое люди искусства, так сказать, тонкие натуры, окружающие себя прекрасными вещами, прекрасной музыкой, прекрасными словами...

Несмотря на то, что в моей комнате пол в нескольких местах начинал превращаться в труху, а из мебели имелись развалившийся шкаф, стол и кровать, лето и начало осени прошли сносно. Но чем холоднее становилось на улице, тем было ясней, что, если я не хочу окочелеть в этом «загоне», надо что-то предпринять.

Снять квартиру лучше не было никакой возможности – денег катастрофически не хватало даже на продукты, так что, очень переживая, я все же решилась позвонить своей маме с просьбой, продать наш старый дом и, на вырученные деньги, купить квартиру в спальном районе Тбилиси, в которой мы бы прекрасно вместе проживали. Мама моё предложение выслушала, сухо сказала, что подумает и положила трубку.

Дружба

А зима все наступала, в моей комнате было холодней, чем на улице, поэтому, возвращаясь с работы, я сразу залезала в кровать, наполненную пластмассовыми бутылками с горячей водой, под два теплых одеяла и ворох всей имеющейся в наличии одежды. И вот, в такой неуютный холодный вечер, ко мне постучалась соседка – художница.

– Накинь на себя что-нибудь и иди ко мне, – с этими словами женщина развернулась и, перебежав через двор, скрылась за своей дверью.

Я быстро оделась и последовала за ней:

– Мир этому дому!

– Заходи, заходи!

За порогом соседской квартиры меня ждал рай!

Я попала в просторную, ярко освещенную огромной люстрой, комнату. Было тепло и красиво, вкусно пахло растворимым кофе.

Хозяйка с подносом уже появилась из кухни:

– Садись в кресло, буду тебя «размораживать».

Отказываться не было сил, и я с удовольствием принялась за кофе, не забывая и о маленьких, но чертовски вкусных, пирожных.

Съев все, что было в вазочке и, выпив после кофе огромную чашку чая, я, наконец, откинулась на спинку кресла и, пока хозяйка убирала посуда, стала осматриваться – вещи ухоженные, но не новые; «Интересно, старые или старинные» – подумала я, и тут же сама себя укорила за меркантильность. У одного из окон, как раз того, что смотрело в сторону моей конуры, стоял мольберт. На какой-то подставке лежали краски и другие художественные принадлежности. К стене прислонились несколько, завешанных чистыми тряпками, картин. Не наблюдалось никакого «творческого беспорядка». Все лежало аккуратно, было чисто, и совсем не портило интерьера квартиры.

– Ну, давай знакомиться, – сказала вернувшаяся из кухни хозяйка, – как тебя зовут?

– Кристина...

– Красивое имя, а я тетя Люба.

Так началась наша дружба.

Каждый вечер тетя Люба ждала меня с работы. Мы вместе ужинали и проводили приятные вечера иногда за разговорами, вернее, в основном говорила я – рассказывала о своем детстве, маме, работе; а иногда молча – тетя Люба что-то рисовала, а я, попивая чаек, сидела со своим ноутбуком.

Когда к тете Любе приходила дочь, мои посещения были кратковременными, но без ужина они меня никогда не отпускали.

Размолвка

Однажды тетя Люба предложила нарисовать мой портрет. Я с радостью согласилась – теперь у меня было еще больше «законных» оснований проводить время в этом гостеприимном доме.

В один из таких вечеров, старшая подруга с волнением сообщила, что ее внучка будет принимать участие в каком-то престижном оперном конкурсе в Италии, и от того, как она выступит, зависит будущая карьера девушки.

И вот этот день, а потом и вечер, настал. Тетя Люба с дочерью не находили себе места от волнения, ожидая известий из Италии. Их состояние передалось и мне, так что мы, все трое, постоянно поглядывали на безмолвный мобильный телефон. Наконец мать певицы не выдержала:

– Боже мой, почему она не звонит, ведь концерт давно закончился?!

Тетя Люба нерешительно сказала:

– Ну, позвони ты...

– Неужели ты не понимаешь, Тако предупредила не названивать, сказала, что она сама нам перезвонит, – голос дочери прозвучал неожиданно резко. Тон меня обескуражил.

Тетя Люба, бросив взгляд в мою сторону, промолчала.

Прошло еще полтора часа, наконец, мать будущей оперной дивы не выдержала:

– Позвоню преподавателю, просто узнаю, что да как, – сказала она, ни к кому не обращаясь, и набрала номер.

Респондент ответил сразу. Женщина поздоровалась и спросила, как все прошло, по выражению ее лица было понятно, что все хорошо. Улыбаясь, она быстро поставила телефон на громкую связь, чтобы мы с тетей Любой слышали беседу. Как раз в это время говорил преподаватель:

– Да, да все просто замечательно. Это фурор! Я сейчас отнесу телефон, и вы сами сможете ее поздравить...

Мама и бабушка счастливо улыбались...

Через полминуты мы услышали, как продюсер сказал:

– Тако, дорогая, вот, возьми телефон, твоя мама звонит...

– Боже мой, и здесь она меня нашла...

Бабушка опустила глаза, у матери улыбка сползла с лица.

– Мама, ну что тебе надо? Я же сказала, что сама позвоню?!

– Но я волновалась, просто, хотела узнать, как все прошло...

– Нормально прошло...

– Хочу поздравить тебя...

– Хорошо, хорошо, потом поздравить, сейчас не могу говорить. Не слышишь, я в ресторане с друзьями...

– Ну ладно...

Мы молчали, мать сидела с «убитым» лицом, а потом сказала:

– Я не понимаю, почему она так себя ведет, ведь если бы не я, ничего этого у нее не было бы – ни концерта, ни ресторана, ни хороших друзей, наконец. На кого она похожа?!

– На тебя, – тихо сказала тетя Люба.

– На меня?! – зло крикнула дочь.

Я вжалась в кресло, пытаясь в нем раствориться.

– На меня? Да кто ты такая, чтобы мне говорить такие вещи?! Что ты, вообще, из себя представляешь? Только и делаешь, что малюешь свои картинки. Ни в чем не поможешь! – женщина схватила свою сумку и в бешенстве выскочила на улицу.

Я боялась пошевелиться. Тетя Люба сидела со спокойным, чуть бледнее обычного, лицом.

– Теть Люба, как Вы?

– Сойдет.

– Не переживайте.

– Не переживаю.

– Тогда я пойду?

– Иди. Завтра не заставляй меня звать себя, как вернешься с работы, сразу иди сюда.

– Ладно.

В ту ночь мне не спалось, да и в соседнем окне свет горел до утра...

Рассказ

На следующий вечер я, как обычно, сидела в «своем» кресле, попивая чаек, позируя и рассказывая своей старшей подруге о том, как прошел рабочий день. О случившемся мы не говорили.

Незаметно прошла зима, стояли теплые весенние вечера. В помещении сидеть не хотелось, и мы с соседкой стали проводить вечера на лавочке во дворе.

Как-то раз я сказала:

– — Тетя Люба, хочу у вас что-то спросить, если Вы не обидитесь?

– — Не обижусь, спрашивай.

– Помните тот день, когда Ваша дочь на Вас сорвалась, – я запнулась.

Но соседка продолжала спокойно слушать.

– Что это было? Если не хотите, не отвечайте.

– Нет, почему же, просто коротко не ответишь, надо рассказывать...

– Расскажите.

– Хорошо.

Люба помолчала и начала свой рассказ:

– То, что я русская, ты, конечно, знаешь.

– Да, но причем здесь это?

– Поймешь. Родилась я в России (женщина назвала город). Не знаю почему, но от меня отказались прямо в роддоме. Так что я оказалась сначала в доме малютки, а потом в детдоме в котором и прожила до пятого класса. Ты знаешь, мне всегда хотелось рисовать. Если под рукой не было бумаги, я начинала разукрашивать стены и мебель детдома – за это били – в детдомах воспитатели с воспитанниками не церемонятся. Но потом, какая-то комиссия решила, что я наделена талантом и меня перевели в интернат для одаренных детей-сирот.

– Там-то было лучше?

– Да, с детдомом не сравнить. Тем более нас действительно профессионально обучали. Каждого, так сказать, в соответствии, с выявленными у него способностями. Но с другой стороны, если в детском доме мы все были одинаково одинокие, в интернате настоящей сиротой оказалась только я.

– Это как?

– Ну, ко всем, хоть иногда, кто-то приходил. Были дети, которых навещали даже родители. Конечно, не самые лучшие родители в мире, но все же папа с мамой. К кому-то приходили тети, к кому-то бабушки, к кому-то друзья друзей родителей – ко мне никогда никто не приходил. На Новый Год я всегда оставалась в интернате одна.

– Ужас.

– Да. Но, в конце концов, всему приходит конец. После выпускного класса нас всех «распилили» по другим учебным заведениям – развивать таланты дальше. Я попала в художественное училище соседнего города.

С Васо, отцом моей дочери, познакомилась в первый же студенческий день. Он тоже был первокурсником и жил в одном со мной студенческом общежитии. Мы как-то сразу потянулись друг к другу. Это не было какой-то безумной любовью, просто, как говорят, встретились два одиночества.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Перед окончанием школы Васико осиротел. Родители, его серьезно готовили к поступлению в Художественную Академию, но оставшись один, он не стал испытывать судьбу и, так как в Академию был слишком большой конкурс. Васька – так его звали однокурсники, поступил в наше училище. Уже к концу второго курса мы поженились.

– Как жили?

– Хорошо. Спокойно. Но не долго...

– Как это?

– Сразу же после окончания училища я родила. Так как детдомовцев не имели права выселять из общежитий, у нас с Васо появилась своя комната. Я еще сидела с ребенком в декретном отпуске, он ходил на работу, ничего не предвещало беды, но в один страшный день мой муж не проснулся.

– Как?

– Так. Врачи сказали – апноэ сна.

– Что это такое?

– Это, когда здоровый человек засыпает и перестает дышать во сне.

– Ужас.

– Да... так случилось, что я снова осталась одна, с годовалой дочкой на руках.

Люба помолчала, потом продолжила:

– Все же социальные службы работали в те времена хорошо. Короче говоря, меня вызвали куда-то, уже не помню, куда, и сообщили, что у моего мужа, а значит и у меня, есть квартира в Тбилиси, поэтому я должна, в срочном порядке, освободить комнату.

Ничего другого не оставалось, как собрать пожитки, ребенка, и приехать сюда. – Люба мотнула головой и улыбнулась. – Ты не думай, что здесь всегда так было.

– Как, так?

– Ну так... грустно, безлюдно... Нет, так было не всегда. Когда я впервые зашла в этот двор, он был полон веселого шума. Во всех квартирках жили семьи. Все со всеми дружили. Двери не закрывались вообще. Все ко всем ходили в гости, как к себе домой.

Глаза у Любы заблестели, было видно, что ей приятны эти воспоминания:

– Меня приняли как родную. По большому счету мою дочь воспитали соседи, так как мне сразу пришлось выйти на работу. Хотя я знала, что за ребенком присмотрят, было тяжело уходить каждое утро, оставляя ее хоть на хороших, но все же чужих, людей. Все время казалось, что дочь будет меня искать, звать, плакать, поэтому, как только мы расставались, я начинала молиться одними и теми же словами...

Люба замолчала.

– Какими словами, тетя Люба?

– Настоящих молитв я не знала, просто, твердила одно и то же: «Господи! Спаси и сохрани мою дочку. Пускай у нее все будет хорошо. Пусть ее минуют все беды и пусть она не вспоминает обо мне и не переживает о том, что меня нет рядом, пусть ей будет без меня хорошо».

– И что?

– И ничего, видишь, все получилось точно так, как я и просила, – не вспоминает, не ценит, не переживает, – Люба вздохнула. – Ты, просто, не представляешь, на какие жертвы я шла ради нее. Только недавно, на старости лет, вернулась к мольберту. А тогда, в девяностых, оставила школу, в которой преподавала и, не смотря на то, что очень любила свою работу, поехала зарабатывать деньги в Турцию. Ох, даже вспоминать не хочу, сколько унижений и боли я перенесла, лишь бы моя дочь ни в чем не нуждалась. Теперь-то, конечно, понимаю, что нельзя класть свою жизнь на алтарь благосостояния детей, они все равно этого не оценят... ну да ладно, лишь бы моя дочь и мои внуки жили долго и счастливо, а как они будут относиться ко мне, не имеет никакого значения. Лишь бы им было хорошо...

Решение мамы

Хотя я каждый день звонила своей маме, справляясь о ее здоровье и рассказывая, как прошел мой день, она о продаже дома и переезде в Тбилиси не заикалась, а мне неудобно было спрашивать. Но, месяцев через шесть после первого разговора, когда я, как это бывало ежедневно, позвонила, чтобы узнать об ее самочувствии, мама сказала:

– Дочь, я довольно долго думала о твоём предложении...

Я усмехнулась...

– И хочу тебе сказать, дорогая моя, я не могу срываться с места и тем более продавать дом. Когда-нибудь он станет полностью твоим, но пока жива, я буду в нем жить. И прошу, больше не поднимай этот вопрос. Я чуть не заболела, обдумывая его. Ты что, хочешь моей смерти?

– Нет, мама, конечно, нет, извини.

– Ладно, уже поздно извиняться, я чуть не умерла, а ты даже не приехала меня проведать.

– Мама, Боже мой, что с тобой случилось? Я не знала! Ты же мне ничего не говорила!

Мама, не слушая моих оправданий, продолжила:

– Конечно, ты теперь столичная штучка, работаешь на телевидении, и о матери даже не вспоминаешь...

– Но, как... я же звоню тебе каждый день... ну прости меня, мама... Что мне сделать, чтобы ты меня простила?

– Ладна, доченька, прощаю. Но не забывай, что я тебя вырастила, выучила и только благодаря мне ты работаешь на телевидении и можешь позволить себе снимать квартиру в Тбилиси!

– Разве это квартира? – пробормотала я...

– Я за тебя рада, – продолжала она свой монолог, – но надеюсь, что ты все же навестишь меня и раз ты уже такая богатая...

– Я богатая???

– Да, раз ты уже знатный человек и можешь позволить себе многое, купи и мне комплект хороших вещей. Ведь ты же хочешь, чтобы твоя мать достойно выглядела на работе?!

– Да, конечно, – я с тоской посмотрела на свою потертую, во всех мыслимых и немыслимых местах, сумку, которую собиралась на днях заменить. – Конечно, мамочка, все сделаю, все куплю и в следующие выходные приеду тебя навестить.

– Я жду тебя, дорогая.

– Пока, мама.

Где-то там, где нас ждут

08.08.08 – дата, которую грузины не забудут никогда. Я в тот день дежурила в кардиологическом отделении одной из больниц Тбилиси. Раненые поступали постоянно, и основной «удар» приняли на себя хирурги, но, по большому счету, медики всех специализаций работали на пределе.

Поздно ночью, с осколком в сердце, к нам привезли совсем молоденького призывника. Состояние поступившего было крайне тяжелое, ранение неоперабельное, просто удивительно, что он не только дышал, но и сохранял ясное сознание.

Назначив раненому большую дозу обезболивающего, я присела к кровати и взяла парня за руку. Мальчик улыбнулся мне и что-то прошептал. Я придвинулась вплотную и тихо спросила:

– Ты хочешь что-то сказать?

Он кивнул:

– Рассказать...

– Ладно, расскажи, только не напрягайся сильно...

– Ничего, вы только не смейтесь надо мной...

– Нет, что ты, я слушаю...

*

Солдатик вздохнул и шепотом, прерываясь, чтобы перевести дух, начал свой рассказ:

– Рано утром нас подняли по тревоге, объяснили только, что начался конфликт с сепаратистской Ю. Осетией, и что, для восстановления правопорядка, часть перебрасывают туда. Мы погрузились в Тайоты с открытым кузовом...

Раненый поперхнулся и стал жадно глотать воздух. Я, молча, гладила его по голове. Успокоившись, парень продолжил:

– Не помню, сколько нас было в машине... может быть, человек семь... неважно. Вот... Наша маленькая колонна подходила к Цхинвали. Слышались выстрелы, потом, недалеко прогремел один взрыв, и сразу же, совсем близко, второй. На несколько минут все оглохли. У ребят были испуганные лица. Командир крикнул свернуть вправо. Водитель резко повернул машину, и мы оказались на какой-то улочке.

Странно, но там не стреляли, тишина стояла невообразимая. Солнце светило ярко-ярко, я никогда не видел, чтобы солнце было таким ярким. По краям дороги, в два ряда, выстроились небольшие домики с палисадниками. Такие... как вам сказать, не то чтобы красивые... но... такие милые, что сердце сразу успокоилось. Мы медленно ехали по улице, высматривая кого-нибудь из жителей.

Вдруг в одном из дворов показалась девушка. Она была такая легкая, такая светлая, такая веселая... Водитель остановил машину. Командир, тихо приказав мне подойти к девушке и осторожно выяснить обстановку, добавил еще тише:

– Всем улыбаться!

Парни сразу заулыбались девушке. Я медленно вылез из машины, еще шире улыбнулся красавице и пошел к забору.

– Не напугай, – сквозь улыбку, вполголоса, сказал командир.

Девушка, звонко смеясь, уже подбежала к калитке. Я то же подошел и, заразившись ее смехом, стал хохотать. Насмеявшись, мы улыбнулись друг другу.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте.

– Это дорога на Цхинвали?
– Нет, на Нью—Йорк, – девушка, довольная своей шуткой, еще посмеялась, а потом ответила, – конечно, на Цхинвали. Вы что, заблудились?

– Нет. Вы главное не бойтесь, – я во весь рот улыбнулся девушке.

– А я и не боюсь. Чего мне бояться? – с удивлением ответила она.

– Конечно, нечего... Это я так, просто, сказал... У вас все хорошо? – осторожно спросил я.

– Да, – ответила она.

– А где все... домочадцы?

– На работе, а у меня выходной, – девушка вновь засмеялась и вдруг спросила, – у вас что, учения?

Я немного опешил:

– Д-да... учения.

– Если хотите отдохнуть, заходите во двор, – девушка сделала шаг в сторону, помахала ребятам, и, смеясь, крикнула, – если хотите отдохнуть – заходите во двор.

Мои друзья повыскакивали из машины, и, войдя во двор, с шутками и прибаутками, толкая друг друга, направились к раскидистому дереву.

Я стоял как зачарованный, смотря, как ребята, переговариваясь с новой подругой, располагаются в тени чинара. Почувствовав мой взгляд, хозяйка повернулась и знаками стала предлагать войти. Но я так был ею очарован, что не мог даже пошевелиться. Тогда она, хохоча, подбежала к калитке, и со словами: «Что с тобой, парень? Пойдем!» – схватилась за рукав гимнастерки.

Почувствовав, что от нахлынувших чувств сердце может остановиться, я набрался храбрости, и, улыбаясь, сказал:

– Я люблю тебя!

– Я тоже люблю тебя. Пойдем к ребятам.

– Пошли...

Но в это время командир крикнул:

– Красавица, отпусти его, пусть сбегает за водой!

– Ну, иди, принеси воды, – мы будем ждать, я буду ждать, – ласково сказала моя любовь.

– Но, где вода?

Она указала в сторону, и я пошел, все время, оборачиваясь, а они все хохотали и махали мне. Девушка, облокотившись об забор, крикнула:

– Поспеши, я жду...

И в эту секунду снова раздались выстрелы. Кто-то тащил меня по земле. От боли я потерял сознание и очнулся в госпитале.

Солдатик замолчал, с улыбкой думая о чем-то своем.

Комок в моем горле готов был разразиться рыданиями, но мальчишка вдруг снова начал шептать:

– Мама, наверное, не успеет... потом... скажите ей, что я не исчезну навсегда, что я просто уйду... далеко. Там меня ждут друзья и любовь... там хорошо... я хочу туда...

Меня била мелкая дрожь, отвечать не было сил.

Он снова зашептал:

– Как Вы думаете, я найду их?

– Да, конечно, ты встретишься с ними...

– Когда все будет кончено, я Вам подам знак – если встречу их – улыбнусь.

Я, молча, плакала.

Вдруг он сказал обычным голосом:

– Дайте мне воды...

Я потянулась за стаканом на тумбочке.

– Нет... пожалуйста... принесите холодную...

Я ринулась к холодильнику, вырвала оттуда бутылку с холодной водой и, в два прыжка, вернулась к койке...

Солдатик не дышал, на лице его светилась счастливая улыбка.

Лучше быть здоровым и счастливым

Часть первая

Встреча со Смертью

Отец всегда говорил: «Ты похож на своего дядю, моего брата, он то же мог делать деньги из воздуха; эх, жаль, бедняга рано умер, до сорока лет не дожил». После этих слов, мама обычно добавляла:

– Да, обидно, какой красивый был парень, все знакомые девушки по нему сохли. А он даже жениться не успел, так и ушел, не оставив на Земле своего семя... какая все же страшная болезнь – рак, всегда застаёт человека врасплох и расправляется с ним за короткое время.

На этом родители тяжело вздыхали и замолкали.

Так как я никогда вышеупомянутого дядю не видел, то особых переживаний по поводу его смерти не имел, хотя и был благодарен, что тот оставил мне в наследство «ген богатства».

Еще в школьные годы мне удалось сколотить небольшой капильчик, зарабатывая на платных отзывах в интернете. А затем, поняв возможности Глобальной сети, стал делать деньги и другими способами. Постепенно у меня появились помощники, а вернее сказать, наемные работники, а потом и несколько бизнес партнеров.

Но однажды безоблачному существованию пришел конец, и все началось со смерти родителей – сначала отец, как и его брат, умер от онкологического заболевания, а потом у мамы, от горя, «разорвалось» сердце.

*

Смерть родителей меня «подкосила». Хотя я старался не показывать на людях своего горя, но в душе постоянно скорбел. Самыми тяжелыми были первые сорок дней, а затем, первый год. Потом, острота переживаний пропала, но тяжесть утраты не давала вернуться к обычной жизни. И, наверное, именно поэтому я сам пропустил первые признаки страшного заболевания.

Началось с того, что любимые, но немного узкие, джинсы, как-то сразу стали велики, а непреодолимое чувство усталости заставляло засыпать в самых неподходящих местах. Если честно, потеря «лишних килограммов», сначала, меня даже обрадовала, а вечную сонливость все мои друзья списывали на ментальное переутомление, чему я, естественно, с охотой верил. Однако когда сонливость сменилась на бессонницу, а к этому прибавилась тошнота, неспособность проглотить даже кусок хлеба, и еще некоторые, весьма неприятные симптомы, я все же обратился к врачу. Диагноз был неутешительным – рак.

Уверив себя, в том, что тбилисские врачи решили заработать на мне деньги, я, недолго думая, рванул в самую дорогую американскую онкологическую клинику. К сожалению, там диагноз подтвердился полностью, но врач сказал, что есть и хорошие новости. Увидев удивление на моем лице (что может быть хорошего, после того, как человеку сообщили, что у него неоперабельная опухоль?), доктор рассмеялся:

– Дорогой, вы успеете привести свои дела в порядок. Например, написать завещание, разделить имущество между детьми так, как вы этого желает, обеспечить жену, родителей...

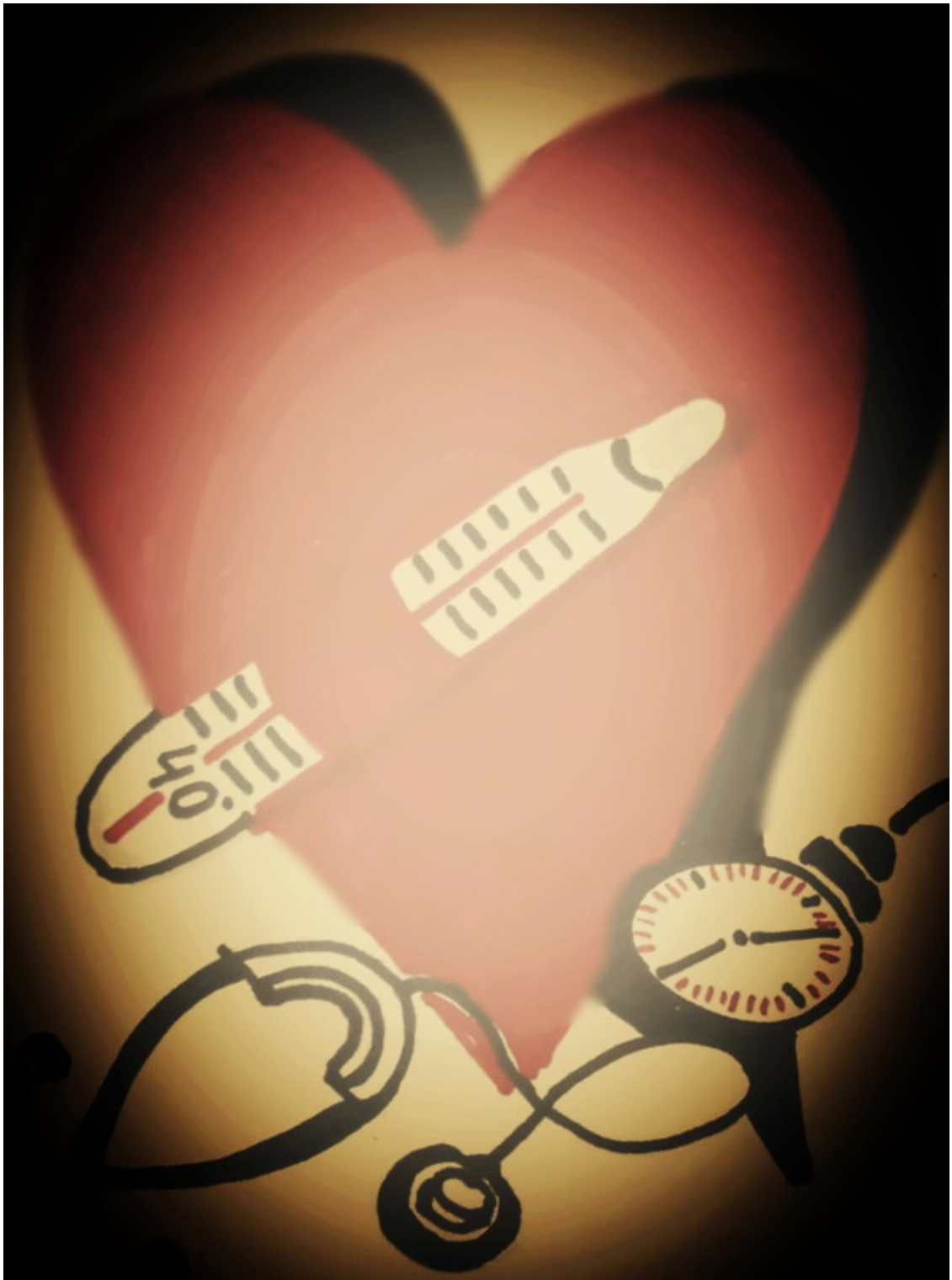
И не думайте, что я шутил, говоря, что это хорошее известие – многие даже на такое не могут рассчитывать.

– Да, конечно. И сколько времени у меня есть?

– Ну... месяцев шесть, максимум, год.

– Спасибо, доктор, вы меня обрадовали...

Эх, откуда было знать американскому врачу, что у меня, кроме денег, никого и ничего не было – жениться и обзавестись детьми, к своим сорока годам, я не успел. А родители... Царство Небесное... хорошо, что не дожили до этого дня.

*

Вернувшись в Тбилиси, я рассказал о своей беде другу детства, адвокату по профессии. Тот был очень расстроен, и спросил:

– Неужели нет никакой надежды?

– Врач сказал, что могу надеяться только на Бога.

Друг встрепенулся:

– А что если построить храм, может Бог действительно услышит тебя и спасет?

– Э, меня уже ничего не спасет, да и не успею я...

– Да, точно... слушай, у тебя все равно нет семьи, возьми все деньги, какие сможешь собрать, и пожертвуй церкви.

– Но мои деньги все в бизнесе. Партнеры не разрешат их оттуда «вытащить».

– Ну, это мы еще увидим. Я выжму из них все, что они смогут дать.

Уж не знаю, как мой друг действовал – я находился в полной прострации и ничем не интересовался, но месяца через четыре, он пришел ко мне с предложением от компаньонов, которое гласило, что я могу вывести из дела 3/4 своей доли, но деньги будут поступать на мой счет поэтапно, в течение трех лет, или же я получу меньше половины, но сразу, в течение двух месяцев.

Других вариантов не было, и я согласился, на второе предложение, с горечью подумав, что деньги «прибудут» точно к моим похоронам.

*

К счастью, мне все же удалось дожить до того дня, когда друг, обналичив остатки моего капитала, принес их в небольшой спортивной сумке. Бросив баул на диван, он сказал:

– На! Ты не представляешь, сколько нервов я потратил, чтобы вырвать эти деньги у банка. Пока ты здесь лежал, заживо похоронив себя, я несколько дней дежурил у дверей кабинета банкира, требуя выдать весь вклад сразу. Пришлось поклясться мамой (бедная моя мама), что через несколько дней, ты положишь в их банк еще большую сумму. В общем, мужик буквально плакал, но деньги выдал.

Я не стал поддерживать веселое настроение друга, сохраняя остатки сил на то, чтобы пересчитать деньги – даже в таком урезанном виде, мое состояние выразалось в пятизначной цифре. Адвокат замолчал и спокойно ждал, пока я, путаясь, и начиная сначала, наконец, закончил «аудиторскую проверку».

– Все правильно, завтра приходи с нотариусом. Приведи самого лучшего – есть чем платить.

– Но зачем?

– Завтра узнаешь, ... а сейчас уходи, я устал.

*

На другой день, адвокат с нотариусом, устроившись за невероятно дорогим столом в моем кабинете, ждали, когда я соизволю изъявлять свою волю. Выглядели эти люди очень смешными, считая, что разговаривают, практически, с покойником.

– Ладно, господин нотариус. Не надо смотреть на меня с такой жалостью. Лучше займитесь своим делом.

– Но что я должен сделать? Вы же не сказали...

– Да? А, точно. Оформляйте дарственную на эту квартиру.

Нотариус разложил на столе какие-то бумажки, что-то пописал, а потом спросил:
– На кого оформлять дарственную?
– Что?
– Кому, говорю, дарите квартиру?
– Разве Вы не знаете?
– Нет...
– Ему! – я кивнул на адвоката.
Мой друг подскочил как ошпаренный:
– Э, брат, да ты с ума сошел? Я не возьму этого подарка...
– Ладно, не причитай, еще, как возьмешь... ты же с семьей живешь на съемной квартире...
– Ну да...
– Ну вот, через шесть месяцев переберетесь сюда. Живите... и хоть иногда вспоминайте меня... на кладбище приходите...
Адвокат аж поперхнулся:
– Ну что ты такое говоришь?!
– Ладно, не переживай.
Обернувшись к нотариусу, я сказал:
– В общем, оформите документы так, чтобы он, через шесть месяцев, получил все мое недвижимое имущество, вплоть до нижнего белья, – я подмигнул другу.
Нотариус, помявшись, спросил:
– Может быть лучше не указывать сроков. Просто уточнить, что после вашей кончины...?
– Нет! Укажите срок – шесть месяцев.
Подмигнув другу еще раз, я зло засмеялся:
– Правильно ведь, а то вдруг передумаю умирать, и тебе придется ждать квартиру до старости, а...?
– Ну что ты такое говоришь, брат, – адвокат весь покраснел, – не нужна мне твоя квартира!
– Нужна, нужна, – я похлопал расстроенного парня по плечу, – ладно, не обижайся на умирающего дурака...
– Ну, хватит! Я ухожу!
– Вах! Ну что ты, как девчонка ведешь себя. Уже и пошутить нельзя? Сядь.
Силы оставляли меня. Поэтому, обратившись к нотариусу, со словами: «Надо отдохнуть, ... когда документы будут готовы, ... принесите подписать, ... а сейчас пойду, посплю», – я отправился в спальню, и уже укладываясь в кровать, добавил, – «все ему, все, кроме машины».

Часть вторая

Встреча с Жизнью

Закончив оформлять бумаги на передачу квартиры, и отдохнув два дня, я решил, что пора переходить ко второму, заключительному этапу своей предсмертной жизни. Что ж, сказано – сделано.

Встав поутру и закинув сумку с деньгами на переднее сидение машины, я поехал в церковь. Казалось бы, что может быть легче, чем пойти в церковь – в Тбилиси церковью не сосчитать. Однако это оказалось не таким простым делом. Впрочем, по порядку...

Остановившись у первой, встретившейся на моем пути, церкви, она, кстати, была в ста метрах от дома, я долго сидел в машине, а потом двинулся дальше. Так продолжалось несколько часов. Я кружил по городу, останавливаясь у каждой церкви, но, не решаясь выйти. Уже смеркалось, когда я обнаружил, что давно выехал загород. Первой реакцией было – повернуть назад, но тут послышался одинокий удар небольшого колокола. Всмотревшись вдаль, увидел церквушку и понял, что нахожусь в какой-то деревне, недалеко от города. «Надо зайти» – мелькнула мысль. Я подъехал к церкви и вошел в нее.

К моему удивлению, церковь была заполнена людьми. Шла служба. Пели певчие. Никто не обратил на меня внимания. Присев на лавочку у стены подумал: – «Наверное, для таких, как я, немощных»...

Певчие пели так сладко, голос священника был таким умиротворяющим, а люди молились так душевно, что на меня снизошло умиротворение. Не могу сказать, что я спал, потому, что видел и слышал все, что происходило вокруг. Но в то же время, мой разум, как бы существовал отдельно от тела, и ему впервые не было страшно умирать.

Служба закончилась, понемногу все разошлись, а я все сидел на лавочке. Через некоторое время, ко мне подошел молодой служка, и спросил, все ли у меня в порядке. Я ответил, что да, попрощался и вышел. Сел за руль, раскрыл сидение и, вытянувшись, впервые за многие месяцы, спокойно уснул.

На улице стояла ночь.

*

Проснувшись, по привычке, посмотрел на запястье левой руки, но вспомнил, что мой Rolex, унаследовал «удачливый адвокат», засмеялся. Впрочем, солнце стояло высоко, и было понятно, что уже давно за полдень. Потянувшись, присел и выглянул в открытое окно – в сторонке, из-за большого камня, на меня смотрели два светло-карих глаза.

– Эй, пацан, иди сюда.

Ребенок не шелохнулся.

– Не бойся, иди сюда.

Никакой реакции.

Я покопался в своей сумке, показал пацану двадцати долларовую купюру, и позвал еще раз:

– Иди сюда, смотри, что дам.

– Из-за камня появился сопливый, конопатый нос, а потом и вся голова.

– Зачем мне? – спросила голова, – если ты такой добрый, маме моей дай.

– А где твоя мама?

– Там, – голова махнула, появившейся из-за камня, рукой, в сторону виднеющейся деревни.

– Ну, садись в машину, поехали к твоей маме.

– Нет, не сяду. К чужим, в машину, садиться нельзя, – пацан полностью вылез из-за камня. Это был ярко-рыжий парень, лет шесть. Бедно одетый, в меру грязный, смысленный мальчишка.

– Молодец! Ну, беги впереди. Я поеду за тобой. Познакомимся с твоей мамой.

*

Подъехав к калитке, в которую вбежал малыш, я был поражен видом вросшего в землю, деревянного дома, из которого вышла удивленная, неопределенного возраста, женщина.

– Здравствуйте, извините что беспокою. Можно попросить у вас воды?

– Конечно, – женщина сразу успокоилась и пригласила подождать во дворе, пока она будет доставать воду из колодца.

Сев на принесенный вышедшей за матерью, девочкой, табурет, я стал рассматривать двор: – «Дааааа, так сказать, бедненько, но чистенько».

Женщина подала запотевший стакан с водой и с удивлением смотрела, как я его опустошал.

– Чему вы удивляетесь?

– Это так заметно? – женщина смутилась, – просто, иногда, проезжающие останавливаются у нашего дома, и просят попить, но, когда я выношу им воду, всегда спрашивают – кипяченая ли она, и уверена ли я, что эту воду можно пить. А вы ничего не спросили. Почему?

Я подмигнул окружившим меня детям, их было человек пять – мал, мала, меньше:

– Потому, что я ничего не боюсь. Это все ваши дети?

– Да.

– А муж где? На работе?

– Нету...

– То есть, как? Умер?

– Нет. Что ему сделается? Уехал на заработки. Сказал – в Россию, потом, кто-то видел его во Франции.

– Ну и, зарабатывает?

– Не знаю. Нам ничего не присылает.

– Давно уехал?

– Да, уже года четыре.

– Маленький, – она кивнула на моего знакомого, – вообще его не помнит.

– Но, как вы выживаете.

– До недавнего времени я держала двух коров, так что, не голодали, и даже оставалось на одежду и школьные принадлежности. Но случился мор, вот уже два месяца, как коровы подошли. Теперь не знаю, что будем делать.

Я только сейчас заметил, что женщина нет-нет, да и посматривает на зажатую в моей руке двадцатидолларовую купюру.

– Ох, извините, это ваш мальчуган заработал, – я протянул купюру женщине.

– Как заработал?

– Не дал мне умереть от жажды, – пошутил я.

Женщина с плохо скрываемой радостью схватила деньги.

– Может быть, перекусите, – нерешительно сказала она.

– Нет спасибо, но воды еще выпью. А сколько денег вам надо, для полного счастья?

– Счастье у меня уже есть, – она одной рукой погладила рыжую голову, а другой указала на остальных детей.

– Извините, я хотел спросить, сколько денег надо, чтобы купить двух коров, и где вы их купите?

– Ох, были бы деньги, а коров куплю за один день, здесь же в селе.

– И сколько надо?

– Ой, даже боюсь сказать...

– Ну, все же...

– Наверное, 10 тысяч лари хватит...

– Ясно, – я пошел к машине, отсчитал пять тысяч долларов, потом подумал, добавил еще две тысячи, поковырялся в бардачке, нашел какой-то бланк, и вернулся к женщине.

– Сударыня, я являюсь представителем... эээ... Всегрузинского фонда помощи... эээ... покинутым женам. От имени этого фонда передаю вам семь тысяч долларов. На эти деньги вы должны купить две коровы, отремонтировать комнаты детей, у детей есть свои комнаты?

- Да, две.
- Вот, а на остальные деньги купить дрова, муку, ну, в общем, что надо. Хватит?
- Даааа. Конечно!!!
- Назовите вашу фамилию, имя, и дату рождения.

Женщина назвалась.

Я быстро записал все данные на клочке бланка. Дал ей расписаться и проговорил строгим тоном:

– Через полгода или год, к вам приедут наши представители. Проверят, куда вы потратили деньги. Так что, не делайте пустых покупок потому, что придется за все отчитываться.

– Нет, что вы, – женщина была на грани истерики. – Клянусь, ничего не потрачу зря. Все сделаю, как вы сказали.

– Это будет очень хорошо, – ответил я, махнул детям рукой и пошел к машине.

*

Итак, способ избавиться от денег был найден. Я ездил по самым плохим дорогам. Выбирая на трассу только для того, чтобы заправиться и набрать в дополнительные баки бензин.

Обычно подъезжал к самым бедным домам. Иногда отдавал деньги без всяких нравоучений и фальшивых расписок, иногда, наоборот, читал долгую лекцию, прежде чем передать человеку определенную сумму. Ночевал в машине. Мылся во встречных речонках. Почти ничего не ел, и превратился а ходячий скелет. Когда боли становились невыносимыми, принимал обезболивающие таблетки. Лекарства приходилось экономить, так как его становилось все меньше и меньше, а возвращаться за ним в город, от которого уезжал все дальше и дальше, я не собирался.

Как то раз, передав последнюю большую сумму очередной бедной семье, и заметив, что заканчивается бензин я стал, по бездорожью, пробираться к шоссе. Однако с новой силой нахлынувшая боль заставила остановить машину. Открыв дверь, в бурьяне, я заметил покосившуюся лавчонку; почти ползком, пробрался к ней, прилег и застонал в голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.